

КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОГО
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ:

МОДАЛЬНОСТЬ И АКТУАЛИЗАЦИЯ

Акты международной конференции

Certosa di Pontignano (Siena)

26.-29.3.1992

VERLAG OTTO SAGNER

MÜNCHEN 1993

A cura di
Francesca Fici Giusti e Simonetta Signorini

Per la pubblicazione degli Atti ci siamo avvalsi di un contributo del CNR

ISBN 3-87690-559-1

© Verlag Otto Sagner, München 1993

Abteilung der Firma Kubon & Sagner, München

Патрик Серио (P. Seriot, Lausanne)

ОТ ИМЕНИ ДО ПРОПОЗИЦИИ: ПРЕРЫВНЫЙ ИЛИ НЕПРЕРЫВНЫЙ ПЕРЕХОД?

Наивные вопросы имеют то преимущество, что они помогают по-новому освещать старые проблемы. Таким вопросом является следующий : какая разница между именем и пропозицией? Слишком часто переплетаются философско-логический и лингвистический подходы к этому вопросу. Так, для Расселя и Витгенштейна (в Логико-философском трактате) роль имени, или термы, заключается в том, чтобы именовать, а роль пропозиции заключается в том, чтобы утверждать.

Иначе говоря, имена, или референтные выражения, которые реализуются под разными видами, *указывают* на объекты, а пропозиции *представляют* состояния вещей, или факты, которые, если они верны, делают предложения истинными. Это доктрина логического позитивизма.

Следовательно, имена не ложны и не истинны, они не подвергаются обсуждению, они адекватны или неадекватны тому предмету или существу, которые они представляют. Истинными или ложными могут быть только пропозиции. Как имя является заместителем вещи, так пропозиция и является заместителем состояния вещей (state of things), которое, в свою очередь, состоит из отношений между вещами.

Тогда значение не что иное, как замена представленного представляющим.

Семантическая доктрина Расселя напоминает реализм в схоластическом понимании этого термина : значение мыслится как *номинация* того, что уже существует до акта говорения. Для этого и есть имена. Онтологический принцип находится внутри языка, как теоретическое основание зависимости языка от так называемой объективной действительности.

К сожалению, или к счастью, в языках существует немало таких явлений, которые не поддаются этой схеме, этому строгому разделению между именем и пропозицией. Есть такие явления,

которые выгодно распределить на непрерывной линии между именем и пропозицией. Это разные "недостающие звенья" между именем и пропозицией. Их можно найти во многих языках под видом инфинитива, герундия, масдара, и т.д. В славянских языках, в том числе и в русском языке, очень интересным таким недостающим звеном является *номинализация*. Как раз в логике ей трудно отвести место. Но в разных лингвистических теориях также нелегко найти ей подходящее место.

Одним представлением, вытекающим из большинства таких теорий, является то, что номинализация представляет собой трансформацию *чего-то другого*, обычно глагольного высказывания, который находится на другом, более глубоком, уровне. Иными словами, номинализация не представляет собой что-то исходное, оригинальное, а наоборот что-то производное, это результат каких-то операций, осуществившихся до материальной реализации данного высказывания в данном тексте.

Итак, тексты могут содержать внутри себя такие особые имена, которые отличаются от других имен тем, что они каким-то образом соотносятся с чем-то другим, а именно с глагольным высказыванием.

Однако моментально возникает вопрос: как выглядит это глагольное высказывание? И хочется задаться вопросом о том, что это значит, что текст содержит внутри себя элементы, которые пришли "*извне*". Где находится это "*из вне*"? Где наружность текста? Где специфическая наружность специфического текста, его потустороннее лицо? Но если исходить из той точки зрения, что номинализации¹ могут быть связанными с глагольным высказыванием, то еще неизвестно, как размежевать такие номинализации, которые отсылают на наружность текста от тех, которые функционируют как настоящие имена?

Вообразим себе археолога, который открывает в кажущейся сплошной каменной стене рамки замурованных окон. Почему и зачем эти окна были замурованы? На какие виды они раньше открывались? Как их снова открыть и обнаружить эту "наружность", которую они сейчас скрывают?

Таким же образом, как читать номинализации в именной синтагме? Как решать, является ли номинализация замурованным окном или простым камнем, однородным с другими? С точки зрения тени от солнца стена с замурованными окнами уподобляется стене без окон, так же как и для лингвистов-структуралистов именная синтагма

(Nmz - N₂) уподобляется именной синтагме (N₁ - N₂). Как археолог изучает историю стены, так и лингвисту приходится изучать память текста. Но для этого нужно прибавить новое измерение анализу. Это измерение того, что Бенвенист называл *énonciation*. Тут возникает интересная проблема терминологии. Во избежание возможных недоразумений я предлагаю выдумать новое русское слово, хотя оно выглядит неловко, — слово "энунциация".

Энунциация (*énonciation*) как акт, или процесс, противопоставляется высказыванию (*énoncé*) как продукту, результату. Парралельным является противопоставление говорящего и субъекта энунциации. Но подчеркнем сразу, что здесь речь идет не о психологии индивида, а о самом языке. Говорящий, это конкретный человек, который в известный момент и в данных обстоятельствах говорит. Но не нужно ему говорить, для того, чтобы существовать. Он существует прежде, чем говорить. Субъект энунциации, наоборот, не существует как таковой до акта говорения. Это точка отчета дискурса. Напомним слова Э. Бенвениста: "Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только в языке придает реальность, свою реальность, которая есть свойство *быть*, — понятию "Его" — "мое я" (Бенвенист, 1974, стр. 293).

В том, что в одном говорящем могут сосуществовать разные субъекты энунциации, можно легко убедиться на простом примере косвенной речи ². Если сказать *Петр сказал, что Иван пришел*, то говорящий приводит слова Петра, но не является субъектом энунциации высказывания "Иван пришел". Этим субъектом является Петр.

Данный пример довольно простой. Однако проблематика косвенной речи может осложниться, если принять во внимание возможности различных прочтений одного и того же высказывания. Еще в XVII в. авторы Логики Пор-Рояля при анализе некоторых форм и конструкций языка интуитивно прибегают к понятию субъекта. Так они поступают, например, анализируя сложное предложение, включающее в себя придаточное, пытаясь разобраться в том, где при этом главное, а где включенное предложение.

"Предложения такого рода, — рассуждают они, — иногда бывают двусмысленными и могут быть поняты по-разному в зависимости от намерения того, кто их произносит. Допустим, я говорю: *Все философы убеждают нас, что предметы, обладающие тяжестью, сами по себе падают вниз*. Если я намерен указать на то, что предметы, обладающие тяжестью, сами по себе падают вниз, первая часть этого

предложения будет всего лишь придаточной, предназначенной только для подкрепления утверждения, заключенного во второй части. Но если я, наоборот, намерен просто привести мнение философов, а сам его не разделяю, тогда первая часть будет главным предложением, а вторая — только частью атрибута. Ведь я буду утверждать не то, что предметы, обладающие тяжестью, падают сами по себе, а только то, что в этом убеждены все философы. И нетрудно увидеть, что эти два толкования данного предложения столь различны, что превращают его в два различных предложения, имеющих совершенно разный смысл" (Арно, Николь 1991:129-130).

Иными терминами можно сказать, что тут не только два прочтения одного и того же предложения, а два разных набора субъектов. В первом прочтении субъект энунциации является в то же время источником включенного предикативного отношения и опирается на суждение философов как на косвенное подтверждение своего высказывания (один субъект). Во втором же прочтении субъект энунциации приводит чужую речь а сам не принимает ответственность за включенное предикативное отношение (тут два разных субъекта).

Подобные случаи двусмысленного истолкования одного и того же высказывания чрезвычайно многочисленны в аргументативном дискурсе, в котором проблема колебания перед выбором субъекта энунциации ставится особо остро. Вот пример из русской политической речи "застойного периода" :

Народы других стран знают, что Советский Союз никогда не встанет первым на путь развязывания войны (Л.И. Брежнев).

Опять-таки способ истолкования зависит от того, сколько субъектов энунциации обнаруживает истолкователь в этом высказывании. В самом деле, либо говорящий только и делает, что упоминает знание других народов (два субъекта), либо то, что вставленная пропозиция после глагола пропозициональной установки ЗНАТЬ является знанием народов других стран тем самым является гарантией истинности этой пропозиции, аналогично такому выражению, как *истинно, что p*.

Можно теперь вернуться к проблеме именных синтагм и предикативности. Схема С=П имеет много недостатков. Но по крайней мере она имеет то преимущество, что она указывает на разрыв между двумя несоизмеримыми категориями. По аристотелевой традиции субъект суждения — это то, о чем судят, а предикат — это то, что судят о субъекте. Однако, то что находится налево от дроби иногда

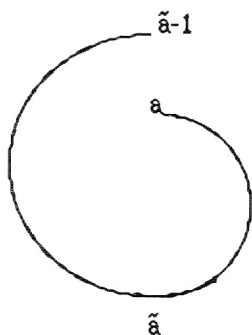
является гораздо интереснее, чем простая номинация того, что уже известно.

Нужно, во-первых, допустить, что есть что-то общее между пропозицией *производство растет* и именной синтагмой *рост производства*. Это общее является предикативным отношением (*производство*) (*расти*).

Тогда где разница? Разница проходит на уровне того, как субъект высказывания принимает на себя ответственность за предикативное отношение, иными словами, признает себя как источника, как точку отсчета этого предикативного отношения.

Вот почему я хочу подчеркнуть, что имманентное описание синтаксиса является тщетным предприятием: синтаксическое описание неотделимо от "субъективной перспективы".

Наиболее адекватным представлением амбивалентного прочтения номинализаций является, пожалуй, модель *кулачкового вала*, предложенного А. Кулиоли. Номинализация может функционировать как настоящее имя или как *память* сложного именно-глагольного выражения с более или менее десемантизированным глаголом :

Номинализацию в русском языке можно определить как потенциальный кулачковый вал : имя N_1 может вставиться в предикативную структуру. Эта предикативная структура может номинализироваться. И данная номинализация может вернуться к отправному пункту (чисто именное функционирование), или же сохранить при себе что-

то добавочное, а именно предикативное функционирование (но с устраненной ассертивностью).

Можно тогда объяснить возможное двойное прочтение такой именной синтагмы, как *роль профсоюзов*, в зависимости от того, является ли данная именная синтагма

- определительным отношением :

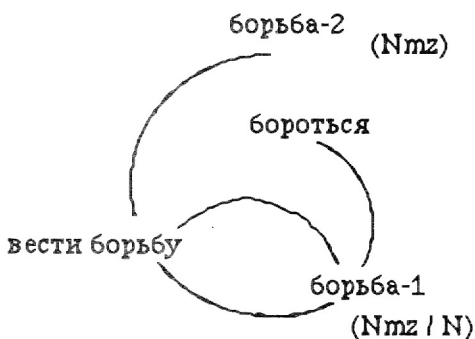
роль, которую профсоюзы играют / должны играть / играли бы...

- или предикативным (предассертивным) отношением :

профсоюзы играют, / должны играть / играли бы (некоторую) роль

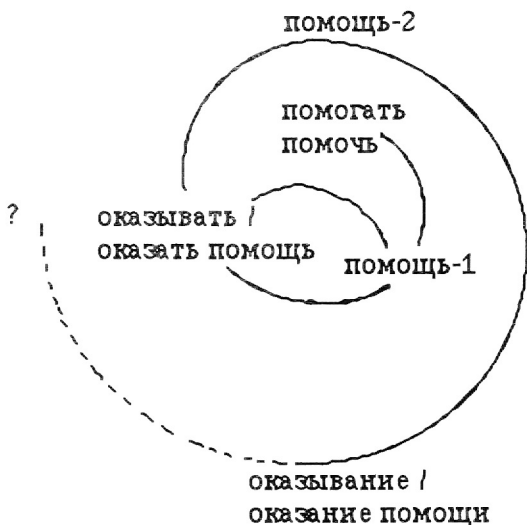
и в этом случае *роль* представляет собой именным следом предикативного отношения, в котором глагольная опора *играть* была устранена. Здесь именная синтагма *роль профсоюзов* сохраняет воспоминание высказывания, которое было сказано в другом месте и в другое время.

Можно тем же образом моделировать амбивалентное функционирование номинализации в последовательности глагол + номинализация, то есть в аналитическом предикате в роде *вести борьбу* :

Здесь *борьба*, производное имя от *бороться*, может представлять собой либо именную часть глагольного выражения *вести борьбу*, либо след того же глагольного выражения после того, как опорный глагол *вести* был устранен : мы получаем *борьба-2*. Но на формальном уровне тут одна и та же лексема.

Наконец, еще более сложная схема нужна для описания ряда *помогать / помочь* → *помощь* → *оказывать / оказать помощь* → *оказывание / оказание помощи* :

Можно теперь вернуться к проблеме именной референции. Для таких философов языка как Фреге и Рассел проблема реальности тех вещей, которые составляют референцию дискурса (то, о чем говорится) решается путем признания того, что предикативный акт (присуждение предиката некоему субъекту) необходимо имплицитно подразумевает существование данной референции.

В этой перспективе возникает принципиальная асимметрия между двумя основными функциями высказывания :

- *идентификация* (или *номинация*), осуществляющаяся посредством "собственных имен" и их субститутов : дефинитными дескрипциями (по-французски это именные синтагмы с определенным артиклем, по-русски же эту функцию выполняет именная синтагма $N_1 - N_2$, но двусмысленно, из-за отсутствия артикля);
- *предикация*, или присуждение предиката некоему субъекту, который сам уже идентифицирован.

Однако такая асимметрия возможна лишь в логицистском подходе к высказыванию. В самом деле номинализация в таких языках, как русский язык, позволяет подорвать это четкое противопоставление между именем (идентификационной функцией) и целой пропозицией (предикативной функцией): нет места для номинализации в логической системе с двумя истинностными значениями.

Можно тогда сказать, что номинализация является "недостающим звеном" между именем и пропозицией : это не только переход от одного к другой, но и не дискретный, неоднозначный переход между именем и пропозицией. К тому же номинализация в высказывании в естественном языке, в известных условиях истолкования, может представлять собой одновременно и то и другое, тем самым вызывая непресказуемые эффекты значения.

Таким образом пресуппозиция о существовании может коснуться как таких дефинитных дескрипций, как

а) *народы Советского Союза*

так и

б) *рост производства.*

Если признать, что дефинитные дескрипции типа б) сами являются предикациями (наверное, при известном расхождении по отношению к аSSERTИРОВАННЫМ высказываниям), то можно тогда говорить не только о пресуппозиции существования вещи (область бытия), но и о пресуппозиции истинности предикативного отношения (область дискурса). Отсюда вытекает, что в некоторых синтаксических позициях именная синтагма скрывает в себе целое предикативное отношение, с устраненной аSSERTИВНОСТЬЮ.

У некоторых авторов, изучающих связный, непрерывный дискурс в перспективе грамматики текста, данная пресуппозиция отсылает на анафору предыдущего высказывания, действительно существовавшего в левом контексте того же текста.

Однако то метаязыковое место, где могло бы найти источник высказывание, лежащее в основе номинализации, может находиться не только до акта производства этой номинализации, но и вне данного дискурса. Иными словами, номинализации могут отсылать на высказывания, которые *никогда* не были сказаны в ходе текста, и тогда номинализации уже нельзя считать анафорами того, что уже было сказано в левом контексте.

К тому же оказывается, что номинализация представляет собой только частный случай именной синтагмы $N_1 N_2$. В этой синтагме можно обнаружить *следы* чего-то *прежнего* и *внешнего* по отношению к данной последовательности. Это объект дискурса, который субъект энунциации присваивает себе и включает в предикативное отношение, за которое он несет ответственность. Объект дискурса не является каким-либо объектом (un "objet quelconque"), как

в грамматическом примере, он уже подвергся операциям отбора и пред-ассертивности.

Именная синтагма $N_1 N_2$ является *овеществлением* предикации. Это предикация, ставшая вещью, так как она представляется в форме имени.

Мы тем самым можем искать *слова под словами*, пропозиции под именами.

Итак, наряду с тем, что текст эксплицитно *говорит*, есть то, что текст *показывает* : включенные предикативные отношения, с расхождением в ассертивном статусе по сравнению с матричными предикатами. Можно тогда говорить о *неравной полифонии* , когда речь идет об этом переплетении разных энунциативных источников в одном и том же тексте, расположенных на разных уровнях ассертивности.

Я постарался показать, на примере номинализаций, что реальность языка сопротивляется логической формализации. Причиной этого сопротивления является то, что в языке обитают субъекты. Тем не менее присутствие субъекта в языке не является предметом психологии, так как можно обнаружить его следы в *синтаксисе* каждого естественного языка.

Исследовать связи включения с анафорой позволяет выйти за рамки лингвистики предложения и принять во внимания текстовое измерение. Однако текстовая анафора предполагает замкнутый текст, с абсолютным началом. Но анафора может отсылать на наружность текста: всегда существуют другие, чужие дискурсы *до* данного текста.

Таким образом, всякая номинация связана с предикацией. К именной синтагме следует подойти не как к имени (с его распространениями), а как к следу забытого, прежнего предикативного отношения. За каждую номинацию более или менее отсутствует субъект энунциации. Отсюда вытекает, что нет "настоящих имен", даже нет "собственных имен" (логических или нет). Ни собственное имя ни нарицательное имя не принадлежат объекту, они являются результатом операций предикации и ассертивности с расхождением по отношению к пропозиции. Язык не является "*отражением* объективной действительности", а скорее моделизирующей деятельностью субъекта энунциации, который берет уже существующий материал высказываний, чтобы его превращать в объект своего дискурса.

От имени к пропозиции переход не дискретный, непрерывный : "факты", "состояния вещей" не являются категориями действительности, а языка. Материал наших речей — это чаще (чужие или не чужие) слова, чем вещи.

Я хочу закончить эту работу маленькой проповедью :

Братья и сестры лингвисты!

Не доверяйте именам!

Они больше скрывают, чем кажется.

Не принимайте именные синтагмы за распространение имен.

Они больше говорят, чем именуют.

Не путайте говорящего с субъектом энунциации.

Ведь в каждом говорящем обитает несколько субъектов.

Не путайте настоящие высказывания с грамматическими примерами. Ведь не все же наши слова нам принадлежат.

И, наконец, не думайте, что язык только и делает, что описывает внеязыковую действительность.

Как мы не живем в необитаемом мире, так и мы не говорим в не оговоренном мире.

¹ Пока под номинализациями будем иметь в виду отглагольные и отадъективные имена.

² Напомним, что проблема косвенной речи послужила исходным материалом для работы Бахтина / Волошинова "Марксизм и философия языка".

Литература

- Арно А., Николь П. 1991: *Логика, или Искусство мыслить*, Москва (первое издание: Arnault A., Nicole P.: *La logique, ou l'art de penser*, 1962).
- Бенвенист Э., 1977: *Общая лингвистика*, Москва (первое издание: *Problèmes de linguistique générale*, Paris., Gallimard, 1966).
- Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.), 1929: *Марксизм и философия языка*, Ленинград.
- Кулиоли А. 1968: Culioli A: "La formalisation en linguistique", *Cahiers pour l'analyse*, 9, 106-117.